

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И СТРАННИК (К теме: “Батюшков и Пушкин”)

© 2000 г. А. Ю. Сергеева-Клятиц

Статья посвящена стихотворению Пушкина “Странник” (1835), представляющему собой яркое воплощение темы странствования в творчестве поэта. Помимо прочих известных источников этого текста, мы выделяем новый – стихотворную сказку Батюшкова “Странствователь и домосед”. На ее финал Пушкин обратил особое внимание. Отмеченные реминисценции в “Страннике” рассматриваются нами в контексте поэтического диалога между Пушкиным и Батюшковым.

The article is dedicated to Pushkin's poem “Pilgrim” (1835), which is the brightest example of wandering theme in his creative work. Among other famous sources of this text we pick out the new one – tale of Batushkov's “Wanderer and stay-at-home”. Pushkin paid great attention to the final part of it. All the borrowings in “Pilgrim” are regarding by us in the context of poetical dialog between Pushkin and Batushkov.

Странствователь – путник, путешественник,
путешествователь, вояжер, разъезжающий
сухопутно или морем по разным странам,
по чужбине, по чужим краям.
Странник – странный, захожий, человек
с чужбины, проезжий, прохожий;
гость, ищущий где временного приюта...

В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

Тема странствия занимает значительное место в творчестве Пушкина. Она возникает уже в его ранней лирике, выражая стремление “юного затворника” вырваться на свободу (“К Галичу”, 1815; “Блажен, кто в шуме городском...”, 1816). Затем эту тему подхватывают романтические тексты, посвященные вынужденному/добровольному изгнанию (“Погасло дневное светило...”, 1820). Вершины в своем развитии тема странствия достигает в более поздних стихотворениях Пушкина, воплощая тоску по отсутствующему Дому (“Дорожные жалобы”, 1829), а также в религиозно-философских текстах, в которых разнообразные искания героя описываются как поиск “верного пути” (“Пророк”, 1826; “Напрасно я бегу к сионским высотам...”, 1836).

Традиция, на которую ориентируется Пушкин, так или иначе разрабатывая образ странника, разумеется, сформировалась задолго до зарождения романтизма, причем не только русского, но и европейского¹. В стихотворении Пушкина “Странник” (1835) эта традиция осмысливается с духовной

(религиозной) точки зрения². Странствование оказывается для героя стихотворения мучительным, поскольку он не знает своей цели и не уверен в успехе. И все же герой не может остановиться – им движет неведомая тайная сила, заставляющая его переходить с места на место, не находя покоя. С того момента, как цель духовного путешествия проясняется, *странствование* становится *бегством*, отдаленный прообраз которого – бегство героя романтической поэмы. Художественное пространство стихотворения, объединенное темой дороги, выстраивается с помощью двух родственных понятий, приобретающих однако у Пушкина совершенно противоположные значения: *блуждания* и *пути*. До встречи с юношей, “читающим книгу”, герой, внутренне готовый к перевороту, все же характеризует свое состояние как крайне неясное и тревожное:

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен.

...И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обречь убежище...

¹ Жанр “путешествия” едва ли не самый распространенный во всей мировой литературе, начиная со времен Гомера. И вся история его существования, безусловно, значима для творчества Пушкина. Здесь мы остановимся только на возможных русских источниках “Странника”.

² Мы сознательно оставляем вне рамок настоящей заметки обширную литературу, посвященную анализу пушкинского “Странника”, поскольку в наши задачи не входит исследование его религиозно-философской проблематики.

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.

[1, т. III, с. 310–311]

Неопределенность поисков героя подчеркивается последним приведенным сравнением: раб, замысливший побег, и путник, ищущий укрытие от дождя, совершают заведомо разнонаправленное движение. Один убегает *из-под крыши*, другой наоборот стремится *под крышу*. Того и другого сближает единственно состояние страха и отчаянное стремление к движению. Подобное ощущение совершенно отсутствует у “ближних” странника, что лишает их надежды на обретение *пути*. Поворотным пунктом в блуждании героя становится его встреча с таинственным юношей, отвечающим на вопрос: “Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?”. Как только определяется конечная цель странствования и способ ее достижения, в стихотворение проникает новый мотив. Вместо слов “метаясь”, “странствуя”, “бродя” для описания передвижений героя автор использует одну и ту же сему бегства: “... Чего ж ты ждешь? Зачем не убежишь отселе?”, “Куда ж бежать?”, “И я бежать пустился в тот же миг”, “Побег мой произвел в семье моей тревогу...”, “...но я тем боле/Спешил перебежать городовое поле...”. В тот момент, когда направление движения становится для героя ясным, он перестает быть странником, бродящим безо всякой цели, поскольку уже видит путеводный свет и сделал первый шаг к спасению.

Тема странствия характерна для всякой духовной поэзии, однако далеко не у всех поэтов встречается такой мотив “выпрямления пути”, когда *блуждание* преобразуется в *бегство*³. Так, например, герой известного стихотворения В.А. Жуковского “Путешественник” (1810) тоже покидает “отчий дом”, семью и друзей ради неведомой цели. Однако он прекрасно осознает направление своего движения, поскольку им руководит чудесный “вожатый” – вера:

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,
“Странник, – слышалось, – терпенье!
Прямо, прямо на восток”.

[3, с. 33]

³ Начало “Странника” явно ориентировано на первые строки “Божественной комедии”, выражающие именно состояние блуждания в поисках ответа на вечные вопросы: “Земную жизнь пройдя до половины, // Я очутился в сумрачном лесу, // Утратив правый путь во тьме долины...” [2, с. 7]. Помимо этого, образ странника характерен для текстов, так или иначе затрагивающих вопросы жизни и смерти, – путь земной жизни человека осмысливается как странствие, временное пребывание “на чужбине” (Н.М. Карамзин “Осень”).

Странник Жуковского – это паломник в храм вечной мудрости, где земное встречается с небесным. Наделенность сокровенным знанием противопоставляет его пушкинскому мятущемуся герою, в муках и терзаниях прозревающему путь к спасению.

Обращаясь к теме странствования, Пушкин избирает совсем иной путь. Парадоксальным образом для него оказывается значимой не “небесная” лирика Жуковского, а поэзия Константина Батюшкова, в целом далекая от религиозной тематики. Одним из самых значительных претекстов пушкинского “Странника” мы считаем стихотворную сказку Батюшкова “Странствователь и домосед”. Но подходы к образу странника связаны у Пушкина и с другими произведениями его предшественника.

В одном из поэтических текстов, которые И.М. Семенко называет “медитативными” [4, с. 481], – в элегии “К другу” [1815] – Батюшков описывает духовное прозрение своего героя именно с помощью антитезы: предыдущие блуждания (сомнения, страх, отчаяние, уныние) – неожиданное просветление (прямой путь в “мир лучший”). На протяжении 16-ти строф, предвещающих обращение героя, он в поиске “вечно чистых и непорочных” истин апеллирует к самым разным источникам и авторитетам в надежде получить ответ на вопрос о смысле земного существования. Но ни “светский шум веселья и пиров”, ни спокойствие семейной жизни, ни надежность дружбы не дают ощущения прочности бытия. Земные блага оказываются непостоянными, минутными и преходящими, превращая жизнь человека в бессмысленную цепь утрат:

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям, –
И что ж? их урны обнимаем. <...>

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

[5, с. 251, 252]

Земное странствование (блуждание) – мгновение перед лицом вечности – исполнено страха и отчаяния. Это лишь тяжелое испытание для человека, не имеющего прочной опоры – прибежища. Две последние строфы стихотворения посвящены прозрению героя:

Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен;
 Ногой надежную ступаю;
 И с ризы странника свергая прах и тлен,
 В мир лучший духом возлетаю.

[5, с. 252]

Сравнив приведенные строки с пушкинскими, мы легко обнаружим целый ряд совпадений. Так, герой Батюшкова в минуту отчаяния тоже обращается к посреднику между ним и Богом (“глас совести”), который указывает путь к спасению. После этого с батюшковским странником происходит почти та же метаморфоза, что и со странником из пушкинского текста. Глаза его открываются для созерцания света, озаряющего дорогу к новой вечной жизни, он отрясает прах с временной ризы скитальца, с тем чтобы “возлететь” в мир лучший. Блуждание окончено, цель ясна.

Заметим, однако, что идея “Странника” совершенно оригинальна. У Батюшкова речь идет о личном обретении веры, дающей земному страдальцу утешение и способ хоть как-то пережить свое временное пребывание в “обители сует”. У Пушкина обращение героя оказывается единственным путем спасения в преддверии приближающейся последней катастрофы:

“Идет! уж близко, близко время;
 Наш город пламени и ветрам обречен;
 Он в угли и золу вдруг будет обращен,
 И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
 Обрести убежище; а где? о горе, горе!”

[1, т. III, с. 310]

Пушкинский текст насыщен эсхатологическими мотивами, имеющими значение не только для истории просветления отдельного, частного человека, но и для истории человечества в целом.

“Сильное, полное и блистательное стихотворение” [1, т. VII, с. 398], – так Пушкин оценил батюшковскую элегию “К другу”. Последние восемь стихов элегии были отчеркнуты поэтом – именно те стихи, в которых происходит главная перемена в жизни героя – обретение веры.

Образ странника – причем далеко не всегда в окружении религиозных мотивов – часто встречается в творчестве Батюшкова. С этим образом связана тема бегства от возлюбленной в стихотворениях каменецкого цикла 1815 г. (элегия “Разлука”). В переводах Тибулловых элегий герой вынужден покидать отчий дом и Делию по зову бога войны (1814). Мотивы странствий звучат в “военных” произведениях Батюшкова 1812–1814 гг. и в так называемых исторических элегиях. Обстоятельства биографии Батюшкова сложились так, что он воспринимал себя самого вечным странником. Неудивительно, что его лирический герой часто сливается с автором до неразличимости: “Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое –

умирал! В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся...” [5, с. 424]. Чрезвычайная склонность к странствованиям разного рода, порой тяготившая поэта, порой спасающая его от отчаяния, была хорошо известна друзьям Батюшкова. Она оказалась значимой и для Пушкина, в жизни и поэзии которого тема скитаний также занимала немаловажное место.

Как уже отмечалось выше, духовно-медитативное стихотворение Пушкина “Странник” имеет еще одну адресацию⁴ – к сказке Батюшкова “Странствователь и домосед” (1814–1815), которая вошла в состав первого (и единственного составленного самим поэтом) сборника “Опыты в стихах и прозе” (1817) и была очень внимательно прочитана Пушкиным. В своих заметках на полях “Опытов...” младший поэт подробно разбирает текст сказки, сопровождая его разными оценочными замечаниями, в заключение же приписывает: “Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – все вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.” [1, т. VII, с. 410]. Нам же сейчас очень важно отметить, что содержание стихотворной сказки Батюшкова прямо проецируется на жизнь самого поэта⁵. Ирония автора в сказке Батюшкова обращается не только на “чужака” Филалета, не получающего от своих странствований ничего, кроме беспокойства и неудовлетворенности и не умеющего вовремя остановиться, но и на самого поэта. Батюшков провел молодость “на биваках”, и в более зрелом возрасте постоянно стремился изменить свою относительно спокойную и тихую жизнь, вырвавшись из засасывающего его однообразия. Об этом желании Батюшков настойчиво сообщает друзьям: “Я решил, если не пойду служить по этой части (имеется в виду иностранная коллегия – А.С.-К.), то поеду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысяч, что меня разорит совершенно; но гнить в ничтожестве не могу” [9, т. II, с. 106] (Гнедичу, осень 1809). “...Поверь мне, что я весь не свой. Россия так надоела, домашние обстоятельства так докучны... что я не могу остаться ни минуты спокойным” [9, т. II, с. 118] (Гнедичу, 16 января 1810 г.). «Теперь кончил сказку “Домосед и

⁴ Известно, что “Странник” в 1836 г. был включен Пушкиным в состав стихотворений, предназначенных для публикации, с примечанием: “Из Випуап’а” [6, с. 1260]. Произведение Джона Беньяна “Путь паломника...” несколько раз переводилось и публиковалось на русском языке в конце XVII – начале XIX в. и было хорошо известно Пушкину. Безусловно, стихотворение “Странник” содержит многочисленные прямые и косвенные адресации к поэме Беньяна (ср. хотя бы название: “The pilgrim’s progress from this world to that which is to come”), однако отношение пушкинского текста к тексту Беньяна является предметом отдельного исследования и в настоящей статье затрагиваться нами не будет.

⁵ См. об этом в работах Ю.В. Манна [7, с. 342–343] и других исследователей [8, с. 86–87].

странствователь”, которая тебе, может быть, понравится, потому что напомнит обо мне. Я описал себя, свои собственные заблуждения и сердца и ума моего» [9, т. II, с. 319] (Вяземскому, 10 января 1815 г.). Об автобиографичности сказки говорит и вступление к ней, написанное от лица соотносимого с главным героем автора-домоседа, “объехавшего свет кругом”. Двойственность позиции Батюшкова, не понравившаяся Пушкину (нет плана, нет цели, все растянуто и ничего не доказывает), как справедливо заметил Ю.В. Манн, объясняется особенностями современного поэту литературного процесса. Сказка Батюшкова не входит в число произведений романтических и преодолевающих романтизм, в которых ирония не щадит уже мировоззрения героев, тем самым превращая их в пародию на самих себя. Стремление героя сказки Филалета покинуть родной дом ради странствований – это еще не вполне романтическое бегство (мотивировка его слишком неубедительна: “О! я с тобой несходен; // Я пресмыкаться не способен // В толпе граждан простых...”), а скорее традиционное путешествие предромантической поры (Карамзин, Дмитриев). Неудачи Филалета, разочарования, которые постигают его во время скитаний, наконец, самое крупное его поражение как оратора заставляют странствователя вернуться под кров родного дома.

Но вместо нравоучительной концовки в духе И.И. Дмитриева (“Два голубя”) или В.А. Жуковского (“Теон и Эсхин”) – герой молчаливо признает свое поражение, Батюшков предлагает читателю совершенно неожиданный финал. Авторская ирония направлена у Батюшкова как на главного героя, так и на домоседа Клита. До конца сказки остается неясным, чему же больше сочувствует поэт – сознательному и разумному домоседству умеренного Клита или беспокойству и немотивированному стремлению Филалета бежать из родных пределов. Однозначно расставить акценты, вероятно, мешает Батюшкову многократно подчеркнутый им автобиографизм: он сам никогда не мог преодолеть в себе эту двойственность и решить, что же лучше – быть домоседом или странствователем. Приведем еще одну цитату из записной книжки Батюшкова “Чужое – мое сокровище”. Автор размышляет о трагическом соединении в нем двух ипостасей, “белого” и “черного” человека: “Дурной человек все портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно, зло так тесно связано с добром и отличено столь резкими чертами?” [5, с. 426].

Финальные строки сказки, заслужившие высокую оценку Пушкина, рассказывают о вторичном уходе Филалета после столь очевидного провала его первоначального плана:

Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
С домашнего порога:

– “Брат милый, воротись, мы просим,
ради бога!

Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве немило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат! останься, Филалет!”
Напрасные слова: чудак не воротился –
Рукой махнул ... и скрылся.

[5, с. 319].

Именно концовка батюшковской сказки имеет особое значение для адекватного прочтения стихотворения Пушкина.

Формально проблематика стихотворения “Странник” и образ главного героя могут быть осмыслены с точки зрения байронизма. Герой обретается как бы в двух мирах, и это разделение гнетет его. Он бежит от реальности, которая кажется ему гибельной, он погружен в себя и противопоставляет себя целому миру, он порывает с нормами морали и общественными приличиями. Перекодировка намеченных Батюшковым мотивов и определение их в новой системе представлений – романтической – легко объяснила бы обращение Пушкина к тексту сказки. Однако при более внимательном прочтении “Странника” можно заметить, что пафос стихотворения Пушкина совершенно иной, чем традиционных романтических произведений. Герой “Странника” действительно разительно отличается от других персонажей стихотворения, но его исключительность далека от титанической силы духа героев романтических поэм Байрона; его побег – скорее трагическая необходимость, чем сознательное стремление; отказ от соблюдения общественных приличий – отнюдь не следствие их неприятия, а результат страстного желания спастись от неминуемой гибели. Пользуясь терминологией другого века, можно сказать, что стихотворение “Странник” преодолевает романтизм⁶, и это делает его связи со сказкой Батюшкова более сложными и интересными.

Концовка пушкинского стихотворения “Странник” представляет собой как бы развернутый вариант финала батюшковской сказки “Странствователь и домосед”, осмысленный при этом совершенно в ином ключе:

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;

⁶ Здесь преимущественно речь идет об одной версии романтизма, которая была наиболее близка Пушкину, – байронической.

Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

[1, т. III, с. 312]

Используя сходную с батюшковской схему прощания близких с героем, покидающим родной дом, Пушкин по-иному расставляет акценты. Он делает отчетливым то, что считал неясным и неточным у Батюшкова. Герой его стихотворения не *странствователь*, а *странник*, что, с одной стороны, указывает на интенсивный духовный поиск, а с другой – на одиночество героя среди его “близких”, чужеродность, непонятность его переживаний (см. Словарь Даля). Так же, как и Филалет, пушкинский странник не склонен внимать обращенным к нему просьбам. Но он в отличие от героя Батюшкова наделен мистическим знанием, которое заставляет его бежать из дома (метонимического символа города греха) в поисках, пусть не конкретного, то вполне определенного места – спасения (ср. у Батюшкова: “...проведав он от старых грамотеев, // Что в мире есть страна, // Где вечно царствует весна, // За розами побрел – в снега гипербореев”). Призывы ближних осмыслены Пушкиным как попытка – добровольно или насильно – вернуть героя в тот мир, который обречен на скорую гибель и в котором ему грозит смерть. Клит, его жена и домочадцы считают Филалета безумцем – в точности также воспринимают странника и его домашние:

И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

[1, т. III, с. 311]

Однако призыв свыше, а затем неожиданно посланное просветление, которые переживает герой пушкинского стихотворения, заставляют читателя переосмыслить все роли. Именно остающиеся дома оказываются безумцами, отказывающимися слышать обращенный к ним голос и обрекающими себя на неминуемую гибель. А странник, совершающий абсолютно бессмысленные, с

точки зрения здравого смысла, действия, – единственно нормальным. Черта, объединяющая героев сказки Батюшкова и стихотворения Пушкина, – внутреннее беспокойство, изначально присущее им, в конечном итоге и гонит их из дома. Именно беспокойство для странника – тот спасительный отправной пункт, от которого он отталкивается, чтобы найти “верный путь спасения” (ведь еще до того момента, когда мысль о суде становится неотступной, он уже говорит о себе: “Однажды, странствуя среди долины дикой...”). Таким образом, все намеченные Батюшковым линии сюжета обретают под пером Пушкина свою законченность, а повествование о страннике – совершенно определенный смысл.

В заключение отметим, что тема безумия, очевидно, имеет в стихотворении “Странник” еще один подтекст⁷. Если Филалет, предстающий в глазах окружающих безумцем, – двойник автора сказки, то слово “безумец”, многократно адресованное герою стихотворения Пушкина, очевидно заключает в себе полуосознанную ссылку на того, чье произведение показалось слишком холодным, растянутым и неясным, но так и не стерлось в памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Л.: Наука, 1977–1979.
2. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992.
3. Жуковский В.А. Избранное. М.: Правда, 1986.
4. Семенов И.М. Батюшков и его “Опыты” // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978.
5. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Л., 1937.
7. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
8. Фридман Н.В. Поэзия Батюшкова. М., 1971.
9. Батюшков К.Н. Соч. В 2 т. М.: Художественная литература, 1989.
10. Алексеев М.П. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1949. Т. XIII. Вып. 4.

⁷ Тема безумия в творчестве Пушкина была связана помимо прочего с обстоятельствами жизни Батюшкова (см. [10]).

Российская академия наук

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 59 № 3 2000 Май–Июнь

Основан в 1852 г. академиком И. И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 0321-1711

И. о. Главного редактора
д-р филол. наук В.М. Гацак

Заместители главного редактора

д-р филол. наук Л.П. Крысин,
д-р филол. наук В.П. Нерознак,
канд. филол. наук А.М. Гуревич.

*Зам. главного редактора
по организационным вопросам*
канд. филол. наук М. В. Орешкина

Ответственный секретарь
Е. А. Рысева

Редакционная коллегия

*акад. РАН Н.И. Балашов, акад. РАН М.Л. Гаспаров,
член-корр. РАН Г.Г. Гамзатов, член-корр. РАН Ф.Ф. Кузнецов,
член-корр. РАН А.Д. Михайлов, член-корр. РАН П.А. Николаев,
член-корр. РАН В.М. Солнцев, член-корр. РАН Г.Ю. Стернин,
член-корр. РАН Э.Р. Тенишев, д-р филол. наук В.А. Виноградов,
д-р филол. наук Ю.Л. Воротников, д-р филол. наук А.Л. Гришунин,
д-р филол. наук М.М. Коренева, д-р филол. наук В.А. Котельников,
д-р филол. наук Е.С. Кубрякова, д-р филол. наук Т.М. Николаева,
д-р филол. наук С.М. Толстая*

Зав. редакцией Т.С. Глебова

*Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел.: 932-55-17, 155-80-26*

Москва
Издательство “Наука”
Международная академическая
издательская компания “Наука/Интерпериодика”